

ПРАВОВАЯ КОЛЛИЗИЯ КАК СИСТЕМНОЕ НАРУШЕНИЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА О СОЦИАЛЬНОМ ОБЕСПЕЧЕНИИ

Анализируется одна из актуальных и наиболее острых проблем современного законодательства о социальном обеспечении - проблема правовых коллизий. С позиций философии права и системного анализа правовая коллизия рассматривается как проблемное явление, нарушающее нормальное функционирование системы нормативных правовых актов в сфере социального обеспечения. Особое внимание уделено определению понятия правовой коллизии и отражению на основе анализа действующих нормативных правовых актов специфики детерминации этого явления, а также последствий его существования в законодательстве о социальном обеспечении.

Право - одна из сложнейших философских категорий, феномен, причины возникновения, сущность и ценность которой на протяжении многих тысяч лет пыгается постичь человечество, еще долго будет требовать к себе пристального внимания и занимать умы не одного поколения мыслителей и ученых. «Право, - писал Д.А. Керимов, - явление сложное, многогранное, разностороннее, емкое, исключительно богатое, аккумулирующее в себе огромное количество экономических, политических, социальных, духовных факторов общества» [1]. Диалектика познания, раскрывая новые грани, черты, свойства права, ставит перед наукой все более сложные, комплексные задачи. Подчас давно известные правовые явления, эволюционируя и видоизменяясь под влиянием объективных обстоятельств, требуют использования совершенно новых научных методов и подходов к их исследованию, перевода проблему на качественно иной, ранее не известный уровень. Коллизийность представляет собой именно такую, еще недостаточно изученную и до конца не познанную сторону права, свойство, сопутствующее явлению, которое прежде часто оставалось за рамками научных интересов многих представителей российской юриспруденции [2-8].

Ключевой категорией, таким образом, является коллизия (от лат. *collisio* - столкновение), которая присуща различным сферам человеческой жизни и предполагает столкновение противоположных сил, стремлений, интересов, взглядов, их противоборство и противоречие. Это понятие достаточно давно известно юридической науке и обычно используется для характеристики специфических ситуаций, возникающих в процессе правоприменительной деятельности. В данном случае мы приводим традиционный взгляд на проблему области возникновения коллизий. По нашему мнению, такой подход не отражает в полной мере достижений современной юриспруденции по вопросу о соотношении правоприменения и правореализации, согласно которому правоприменительная деятельность является элементом в механизме реализации права. Исследования противоречий и несогласованностей правовых норм в прошлом находили отражение в отечественной и зарубежной юридической литературе, но носили, как правило, эпизодический характер. В настоящее время все более отчетливо прослеживается тенденция к комплексному исследованию коллизийно-правовой проблематики, все более очевидным становится стремление к отграничению коллизии от иных явлений правовой действительности, выявлению ее особенностей и закономерностей [9-17], что открывает широкие перспективы для научно-исследовательской работы.

Говоря о коллизии в праве, необходимо, прежде всего, определиться, в рамках какого учения о праве исследуется явление коллизии, поскольку характеристика этого явления будет специфична применительно к

каждому из научных направлений, как будут специфичны и подходы в решении поставленной проблемы. Множество существующих теорий, концепций и подходов к пониманию права (и это показало время) сложно консолидировать ввиду их существенного различия, а любые попытки совершить что-то подобное в отношении отдельного правового явления — не более чем заблуждение. Поэтому правильно пишет М.И. Байтин: «...Вопрос о понятии права - исходный, ключевой: в зависимости от его решения понимаются и трактуются все другие правовые явления» [18]. Вспомним, к примеру, оживленную полемику представителей «узко-нормативного» и «широкого» подходов к пониманию права в истории отечественной юриспруденции [19]: для одних право представляет собой систему только правил поведения, установленных или санкционированных государством и обеспечиваемых его принудительной силой [20-23], для других - совокупность юридических норм, действий, отношений и элементов сознания как результат единства правовой нормы, правоотношения и правосознания [5, 24-29].

Мы исходим из понимания права как системы общеобязательных, формально-определенных норм, установленных или санкционированных государством и выражающих волю государственно-организованного общества. Аналогичное понимание права можно обнаружить у большинства представителей современной нормативной школы [2. С. 104; 30-32]. Отсюда коллизия в праве (в нашей трактовке) - не что иное, как коллизия в системе правовых норм. Здесь и далее правовые коллизии рассматриваются в аспекте формы права социального обеспечения (т.е. системы и структуры законодательства). Аспект содержания права социального обеспечения мы намеренно упускаем из поля зрения в силу отсутствия в науке права социального обеспечения единого представления о системе и структуре этой правовой отрасли. В связи с этим другие элементы правовой системы (право-сознание, правоотношения, акты применения права, иные юридические действия) в настоящей работе не рассматриваются. Безусловно, иные явления правовой системы также не лишены противоречий в силу их многообразия, а потому существенной специфики, выражающейся в особенностях объектов коллизии, обстоятельств возникновения и способов разрешения коллизийных проблем в таких сферах правовой действительности. Следует отметить, что в юридической литературе в последние годы наметился подход к комплексному изучению юридических противоречий (помимо правовых коллизий) в рамках нового направления исследований - юридической конфликтологии [33, 34].

Процесс познания правовой коллизии не может ограничиваться только уяснением смысла термина и тре-

бует своего дальнейшего развития посредством проникновения в сущность этого явления. По нашему мнению, сущность правовой коллизии может быть раскрыта в рамках системного подхода, которому присущи следующие основные черты:

- 1) любой объект может быть представлен как система;
- 2) система динамична, постоянно движется, развивается во времени и пространстве;
- 3) система гетерогенна, т.е. это объект, состоящий из некоторого множества автономных частей, выделенных относительно друг друга;
- 4) система представляет собой единство (интегральность) множества объектов (причем как материальных, так и идеальных);
- 5) в системном исследовании реализуется примат структуры над свойствами и функционированием элементов [35-39].

Рассмотрение правовой коллизии как системного явления позволяет выделить в ее структуре две группы элементов, составляющих соответственно объективный и субъективный компоненты коллизии, которые необходимы, а вместе достаточны для возникновения коллизии как системы. Структуру объективного компонента составляют такие явления, как:

- 1) существование некоторого множества объектов коллизии;
- 2) совпадение сфер регулирования юридических норм;
- 3) различие в мере влияния объектов на спорный объект регулирования при их взаимодействии.

Субъективный компонент включает следующие элементы:

- 1) субъект;
- 2) отражение субъектом обстоятельств объективно-го характера;
- 3) проблему выбора правовой нормы, подлежащей применению в связи с названными обстоятельствами, и вызванная этим неопределенность поведения.

Система правовой коллизии представляет собой цепь причинно-следственных связей (объективная сторона коллизии → ее восприятие субъектом → проблема выбора правомерного поведения), что дает основание сформулировать понятие правовой коллизии в наиболее общем виде как проблемной ситуации (совокупности обстоятельств), возникающей, как правило, в связи с реализацией права. При этом определение понятия правовой коллизии может быть следующим: коллизия в праве - это явление системного характера, отражающее результат обнаружения субъектом двух и более формально действующих правовых норм с совпадающими сферами правового регулирования, различие которых создает проблему выбора одной из них, подлежащей реализации. Данное определение представляет собой результат обобщения и приведения в систему существенных свойств явления и позволяет установить отличие правовой коллизии от смежных правовых категорий, таких как дублирование, конкуренция норм [40,41].

Любую проблему с точки зрения прикладного системного анализа можно рассматривать в двух аспектах: в аспекте развития - как неудовлетворительное состояние системы, требующее изменения, и в аспекте функционирования - как удовлетворительное состояние системы, сохранение которого требует постоянных усилий

[39. С. 379]. Проблемы развития и функционирования имманентны для любой правовой отрасли (в том числе и права социального обеспечения), они взаимозависимы, тесно и неразрывно связаны. Однако специфика заключается в том, что каждый из аспектов проблемы в системе права имеет статический и динамический характер. Проблемы функционирования и развития статического порядка имеют абстрактный, метафизический смысл (это вопросы сущности, ценности права и др.). Другие проблемы всегда динамичны и в ином состоянии существовать не могут. Правовую коллизию, таким образом, следует отнести именно к динамическим системным проблемам, рассматриваемым в аспекте развития, т.е. как неудовлетворительное состояние проблемосодержащей системы (отрасли права), нормальное функционирование которой затруднено в силу неопределенности цели конкретных ее элементов (правовых норм), различно регулирующих одно общественное отношение.

Помимо того что коллизия в праве по своей сущности предстает как проблемное явление системного характера, данную правовую категорию следует отнести к группе явлений, которую Н.А. Власенко называет «дефектами системы права». Автор дает следующее толкование данному понятию: «...под дефектами системы права следует понимать нарушения, деформации логико-структурного построения и развития системы права и ее элементов, в том числе нормативных актов» [42]. Однако мы несколько изменим формулировку и далее будем именовать правовую коллизию видом системных нарушений законодательства о социальном обеспечении (помимо дублирования норм, пробела и др.).

Чем обуславливается появление в законодательстве такого системного нарушения, как правовая коллизия? Как известно, объективная реальность представляет собой бесконечное множество, как правило, взаимосвязанных и взаимообусловленных явлений. Этот тезис и для современной науки бесспорен, в большой степени определяет характер ее развития - движение к более полному и глубокому пониманию сущности явлений и процессов, происходящих в объективном мире. В целом науку вообще невозможно было бы представить, отрицая постулат о всеобщем характере причинности (детерминизме) и принципиальной познаваемости явлений. Говоря так, мы тем самым утверждаем, что, приложив определенные усилия, субъект способен проникнуть в сущность того или иного явления, установить обстоятельства и условия его генезиса, определить следствия и варианты его существования в будущем.

Мир правовых явлений, по-видимому, не может быть исключением с точки зрения детерминистских представлений об объективной реальности. В то же время, право, представляя, в сущности, определенную логическую систему, несомненно, отличается от явлений материального мира. Отличие это выражается главным образом в том, что оно предстает как продукт человеческого мышления (идеализация), обусловленный уровнем развития общественного бытия и общественного сознания. Поэтому прав С.С. Алексеев, когда пишет, что «право субъективно по отношению к обществу», является искусственным образованием предметной деятельности людей [43, 44]. Следовательно, любое право-

вое явление как идеальный объект обусловлено, с одной стороны, объективными предпосылками его существования (объективной необходимостью в установлении универсальных правил поведения членов государственно организованного общества), с другой - субъективными, которые во всех случаях связываются с мыслительной активностью субъекта. На это указывает, в частности, Д.А. Керимов, который обращает внимание на то, что «отношения между правом и факторами, его обуславливающими, - это не параллельные и независимые отношения, а цепь взаимосвязанных отношений, в рамках которых материальные факторы (включая влияние естественной среды, в которой протекает бытие человека, а также специфика общественных отношений, складывающихся в тот или иной исторический период. - Д.А.), являющиеся в конечном итоге определяющими, от ступени к ступени детерминируют элементы будущих правовых норм через посредство факторов духовных» [45].

Двойственный характер детерминации, свойственный и такому правовому явлению, как коллизия в праве, не раз анализировался многими авторами, исследовавшими проблему правовых коллизий. О существовании объективных и субъективных причин возникновения правовых коллизий писали, в частности, Н.А. Власенко, А.А. Тилле, В.В. Ершов, М.Т. Баймаханов и др. [14. С. 19-21; 15. С. 27-36; 46-49]. По нашему мнению, данная классификация позволяет адекватно отразить совокупность реальных связей, предшествующих возникновению правовой коллизии. Следует, однако, внести некоторые уточнения с точки зрения системного подхода при анализе правовой коллизии.

Поскольку в системных образованиях, как правило, доминирует многофакторная обусловленность следствия, то в подобных случаях достаточно сложно установить, какая из детерминант является причиной, а какая - условием либо поводом - или что оказывает более полное, прямое и непосредственное влияние на возникновение следствия, наконец, в какой степени обособленное действие какого-либо обстоятельства вне системной связи может способствовать появлению следствия в виде системы. Нашу задачу мы видим не в установлении различий в таких категориях, как причина, условия, повод, а в том, чтобы выяснить их совокупное влияние на формирование коллизий, в связи с чем считаем возможным исследовать их в рамках единой категории - детерминант.

Анализ правовой коллизии как системы позволяет сделать вывод о двухуровневой детерминации этого явления. При этом первый уровень характеризуется зависимостью элементов объективной и субъективной сторон (рассматриваемых как промежуточные следствия) от влияния внешних по отношению к ним явлений и процессов. Для второго уровня детерминации правовой коллизии характерно установление системной связи и взаимодействия между элементами объективной и субъективной сторон, что фактически порождает правовую коллизию как финальное следствие. В ходе дальнейших рассуждений детерминацию первого уровня мы будем именовать внешней, а второго уровня - внутренней. Аналогичную по форме классификацию можно обнаружить в работах Ю.А. Тихомирова: «Юри-

дические коллизии возникают в силу разных причин, которые можно объединить в две группы. К первой относятся собственно правовые коллизии, возникающие «внутри» права, - низкое качество законов, противоречия между актами и др. Ко второй группе можно отнести причины, привносимые из других сфер (политическая борьба, кризис власти, противоречия в экономике и др.)» [50]. Нетрудно заметить, что, несмотря на формальное сходство подходов к классификации, по содержанию они различны.

Внешние предпосылки при этом следует разделить на две группы:

- 1) обуславливающие возникновение объективного компонента правовой коллизии и
- 2) обуславливающие возникновение субъективного компонента правовой коллизии.

Предпосылки первой группы в свою очередь имеют объективную и субъективную природу.

Представляется, что более точно отражает круг связей и процессов, которые следует считать обстоятельствами или предпосылками объективного компонента правовой коллизии, позиция Н.А. Власенко, который исходит из следующих основных посылок: возникновение коллизии в праве (ее объективного компонента) обусловлено характером и спецификой регулируемых фактических отношений, при этом не только их динамикой с точки зрения временных факторов, но и с учетом особенностей их организации в пространстве, существованием объективной необходимости в дифференцированном подходе к их регламентации (норма с разным объемом регулирования), а также особенностями самого правотворчества, которые выражены, главным образом, в множественности нормотворческих органов, способных издавать правовые нормы, регулирующие одно и то же общественное отношение [5]. Среди субъективных предпосылок объективного компонента правовой коллизии в праве социального обеспечения, как и в иных отраслях права, следует выделить такие явления, как:

- 1) правотворческие ошибки и нарушение правил законодательной техники (они занимают ведущее место среди субъективных предпосылок образования объективного компонента, что наиболее часто отмечается в литературе);
- 2) стихийность правотворческого процесса;
- 3) недостаточно четкое разграничение компетенции между правотворческими органами;
- 4) лоббирование, экономическая и политическая конъюнктура и другие.

Проследим на примерах отмеченную взаимозависимость явлений в законодательстве о социальном обеспечении.

Правовую коллизию, вызванную несоблюдением правил законодательной техники, можно обнаружить при соотношении норм Федеральных законов от 17 декабря 2001 г. № 173-ФЗ «О трудовых пенсиях в РФ» [52] от 15 декабря 2001 г. № 167-ФЗ «Об обязательном пенсионном страховании в РФ» [53]. Суть проблемы заключается в том, что Закон об обязательном пенсионном страховании устанавливает (см. абз. 2 п. 1 ст. 29), что физические лица вправе добровольно вступать в правоотношения по обязательному пенсионному стра-

хованию и осуществлять уплату страховых взносов в бюджет ПФР за другое физическое лицо, которое не осуществляет трудовой или иной деятельности, предусмотренной п. 1 ст. 7 данного закона. Однако Закон о трудовых пенсиях в качестве обязательного условия обеспечения всеми видами трудовых пенсий обозначает наличие страхового стажа, в который согласно ст. 10 включаются периоды работы и (или) иной деятельности при условии, что за эти периоды уплачивались страховые взносы. В данном случае мы исходим из того, что и для пенсии по инвалидности, и для пенсии по случаю потери кормильца в качестве общего правила также необходим страховой стаж, однако продолжительность его в отличие от стажа для пенсии по возрасту (не менее 5 лет) значения не имеет - важно, чтобы он не отсутствовал полностью.

На возможные последствия существования указанной коллизии обращают внимание М.И. Захаров и В.Б. Савостьянова: «Допустим, муж добровольно уплачивает страховые взносы за жену - домашнюю хозяйку - 10 лет. Периода работы в данном случае нет, а уплата страховых взносов производилась. Должен ли период уплаты страховых взносов засчитываться в страховой стаж в этом случае? Очевидно, должен, поскольку страховые взносы уплачивались для того, чтобы у жены возникло право на трудовую пенсию» [54. С. 100]. Недостаточно обоснованным является, однако, предложение авторов по внесению в п. 1 ст. 10 Закона о трудовых пенсиях дополнений о признании страховым стажем периодов добровольной уплаты страховых взносов за другое лицо в случае, когда оно в течение жизни не осуществляло трудовую деятельность. Если быть последовательным, то изменения следует вносить не в п. 1 ст. 10, а в ст. 2 данного закона, где дается понятие страхового стажа, модифицировав норму-дефиницию, содержащуюся в ст. 3 Закона об основах обязательного социального страхования, следующим образом: страховой стаж - это суммарная продолжительность периодов уплаты страховых взносов в ПФ РФ в порядке, установленном законодательством об обязательном пенсионном страховании. Отметим, что в принципе аналогичное определение страхового стажа дается в Федеральном законе от 1 апреля 1996 г. № 27-ФЗ «Об индивидуальном (персонифицированном) учете в системе государственного пенсионного страхования» [55]. Другим путем для изменения ситуации может быть исключение абз. 2 п. 1 ст. 29 Закона об обязательном пенсионном страховании, поскольку добровольная уплата страховых взносов за другое лицо не относится к обязательному пенсионному страхованию, и передача соответствующих функций по приему указанных платежей негосударственным пенсионным фондам.

Одной из наиболее распространенных детерминант объективного компонента правовой коллизии в настоящее время следует считать так называемую фактическую замену правового регулирования, когда прежний акт прямо не отменен, а прекращает свое действие ввиду принятия более позднего или когда отпали условия его действия. Ситуация особенно осложняется, когда нормы нового акта имеют близкую, но не тождественную с нормами предыдущего сферу регулирования. В таких случаях новый акт отменяет (изменяет) преж-

ний не полностью, а лишь в части, при этом не всегда ясно, как и в каком объеме следует применять нормы каждого из них. Проследить эту тенденцию в законодательстве социального обеспечения можно, в частности, на примере соотношения норм Закона о государственном пенсионном обеспечении и Закона РФ от 18 июня 1992 г. № 3061-1 «О внесении изменений и дополнений в Закон РСФСР «О социальной защите граждан, подвергшихся воздействию радиации вследствие катастрофы на Чернобыльской АЭС» [56].

В ст. 1 Закона о государственном пенсионном обеспечении установлено, что пенсии выплачиваются в соответствии с данным законом категориям граждан, которые перечислены в ст. 4 этого закона. Из этого следует, что все вопросы обеспечения граждан, пострадавших от радиационных или техногенных катастроф (пп. 4 п. 1 ст. 4 и п. 1 ст. 10), пенсиями по возрасту, по инвалидности и по случаю потери кормильца должны решаться в соответствии с условиями и на основании норм Закона о государственном пенсионном обеспечении. В статье 17 Закона о государственном пенсионном обеспечении гражданам, пострадавшим от радиационных или техногенных катастроф, установлены размеры пенсий по возрасту, по инвалидности и по случаю потери кормильца (250 и 200 % размера базовой части соответствующей трудовой пенсии) и основания для их повышения.

Однако Закон от 18 июня 1992 г. в отношении участников ликвидации последствий катастрофы на ЧАЭС в зоне отчуждения устанавливает особые правила применительно к пенсионному обеспечению данных граждан. Так, в ст. 30 Закона от 18 июня 1992 г. установлено, что указанным гражданам устанавливается надбавка к пенсии в размере 30 или 25 % (в зависимости от времени участия в данных мероприятиях - 1986-1987 или 1988-1990 гг.) минимальной пенсии по возрасту, что не предусмотрено Законом о государственном пенсионном обеспечении и не укладывается в рамки нормы абз. 3 п. 1 ст. 1, согласно которой изменение условий и норм назначения и выплаты пенсии по государственному пенсионному обеспечению осуществляется не иначе как путем внесения изменений в данный закон. Однако Закон о государственном пенсионном обеспечении в гл. VI, регламентирующей порядок его вступления в силу, не определяет порядка применения иных законов, содержащих нормы, касающиеся пенсионного обеспечения граждан. Но речь здесь идет не о том, что редакция ст. 30 Закона от 18 июня 1992 г. устарела, а новое пенсионное законодательство уже не оперирует такими терминами, как «надбавка» и «минимальная пенсия по возрасту»; вопрос заключается в принципиальной возможности применения норм данного Закона в отношении указанной категории пенсионеров.

Каким может быть решение данной проблемы? Повидимому, в первую очередь законодатель мог бы внести дополнения в Закон о государственном пенсионном обеспечении, введя в него норму, в соответствии с которой решались бы вопросы порядка и объема применения норм ранее действовавшего законодательства о пенсионном обеспечении, как это сделано в ст. 32 Закона о трудовых пенсиях. С другой стороны, решение может быть и иным, если рассматривать нормы ст. 30

Закона от 18 июня 1992 г. в качестве специальных, увеличивающих гарантии для отдельных категорий граждан. В таком случае нормы данной статьи необходимо привести в соответствие с нормами основных законов системы пенсионного законодательства, а в ст. 10 и 17 Закона о государственном пенсионном обеспечении ввести ссылку на нормы ст. 30 Закона от 18 июня 1992 г. о порядке применения процентного повышения установленного размера государственной пенсии. Наконец, вполне возможно, что решение данного вопроса может быть найдено правоприменительной практикой, что, однако, не следует считать приемлемым вариантом ввиду широкого простора для субъективного усмотрения.

Рассматривая правовую коллизию в качестве детерминированной системы и следуя принципам детерминизма, вполне логичным и очевидным представляется вывод о том, что правовая коллизия сама становится детерминантой (источником) в системе причинно-следственных связей, в свою очередь вызывая какие-то изменения и процессы в правовой среде. Речь в данном случае идет о влиянии (или последствии) правовой коллизии на функционирование системы законодательства о социальном обеспечении. Правовые коллизии, по нашему мнению, имеют три аспекта влияния: правовой, социальный и сигнально-информативный.

Правовой аспект влияния коллизии в праве связан с понятием эффективности действия конкретных юридических норм в процессе правореализационной деятельности. Правовые последствия при этом определяются воздействием правовых коллизий на закономерности системы права, на такие его свойства, как внутренняя согласованность (системность) норм, стабильность и юридическая гарантированность правовых предписаний. Наличие правовой коллизии приводит к усложнению и нарушению нормального правоприменительного процесса, к бездействию той нормы, реализация которой требовалась в данной ситуации, к попыткам обхода закона, порождает абстрактность права. Например, п. 2 ст. 31 Закона о трудовых пенсиях определил, что с 1 января 2002 г. другие федеральные законы, которые предусматривают условия и нормы пенсионного обеспечения, применяются в части, не противоречащей Закону о трудовых пенсиях. Таким образом, законодатель и формально и фактически допустил существование системных нарушений в виде правовых коллизий в пенсионном законодательстве.

Наличие правовой коллизии, помимо презюмируемого негативного влияния на эффективность правовых норм, может сигнализировать нормотворческому органу о наличии проблемы различного регулирования одного общественного отношения и в этом плане сыграть позитивную роль - дать оперативную информацию о необходимости принятия адекватных мер (устранение коллизии или формирование специальных коллизионных правил ее преодоления) для приведения системы в нормальное состояние. Позитивный аспект такого типа влияния, которое именуется сигнально-информативным, заключается в придании импульса для исследовательской и нормотворческой деятельности и, как следствие, совершенствования системы законодательства и устранения существующих системных нарушений.

Возникновение правовой коллизии неизбежно является препятствием на пути решения не только сугубо

юридических задач правового регулирования (упорядочения поведения субъектов), но и достижения социальных целей, составляющих основу системы социального обеспечения, т.е. порождает социальные последствия, в которых, с нашей точки зрения, преобладает негативный заряд. Некоторые правовые коллизии способны оказывать непосредственное влияние на общественные институты, способствовать возникновению социального напряжения отдельных групп населения, вызывать значительный общественный резонанс. Влияние правовых коллизий может иметь и менее открытый характер, когда их последствия, как правило, ограничены пределами конкретных правоотношений. Социальные последствия первого типа в силу общедоступности объективной стороны правовой коллизии автор именуется непосредственными, а последствия второго типа - опосредованными.

Непосредственные социальные последствия правовой коллизии можно обнаружить при анализе отдельных положений Законов о федеральном бюджете на 2001-2003 гг. в той части, в которой они допускают приостановление действия норм федеральных законов социальной направленности, а также при анализе положений п. 4 ст. 30 Закона о трудовых пенсиях. На основе п. 4 ст. 30 фактически распространено действие Закона о трудовых пенсиях на отношения, возникшие (в том числе прекратившиеся) до его введения в действие, т.е. данному закону была придана обратная сила без прямого указания об этом в гл. VII Закона. В результате граждане, имевшие на 1 января 2002 г. стаж, необходимый для назначения пенсии, но не достигшие требуемого возраста, утратили право указывать в пределах имеющегося стажа на периоды, не нашедшие отражения в Законе о трудовых пенсиях, что с формально-юридической точки зрения следует расценивать как прямое нарушение ч. 2 ст. 55 Конституции РФ.

Все это давало основания полагать, что на положения п. 4 ст. 30 последуют жалобы в Конституционный суд РФ, который пресечет массовое нарушение Законом о трудовых пенсиях (нонсенс!) конституционных прав граждан РФ и восстановит интересы нуждающихся. Высказанные надежды были небеспричинны. Речь идет о правовой позиции КС РФ, выраженной в Определении КС РФ от 5 ноября 2002 г. № 320-0 «По жалобе гражданина Спесивцева Ю.И. на нарушение его конституционных прав положениями п. «а» ч. 1 ст. 12 и ст. 133.1 Закона РФ «О государственных пенсиях в РФ», по вопросу о сохранении приобретенного стажа работы при изменении правового регулирования (в связи с введением в действие Закона о государственных пенсиях от 20 ноября 1990 г.). Однако Конституционный суд РФ в Постановлении от 29 января 2004 г. № 2-П [57] выразил свою позицию (судя по всему, окончательную) по данному вопросу, не усмотрев в действии норм п. 4 ст. 30 Закона о трудовых пенсиях обратной силы (т.е. констатировал отсутствие коллизии, требующей решения) и подтвердив тем самым право законодателя на осуществление произвольного правового регулирования. Трудно согласиться с мнением Конституционного суда РФ в отношении п. 4 ст. 30 Закона о трудовых пенсиях, что, однако, не опровергает выводов ученых и практиков [54. С. 10] о многих других слабостях, недоработках не только этого

Закона (которые, к сожалению, имеют и, конечно, дол- ствия), но и всей системы современного законодательст- гое время будут иметь негативные социальные послед- ва о социальном обеспечении.

ЛИТЕРАТУРА

1. Керимов Д.А. Философские основания политико-правовых исследований. М.: Мысль, 1986. С. 168.
2. Алексеев С.С. Проблемы теории права: В 2 т. М., 1972. Т. 1. С. 104.
3. Алексеев С.С. Общая теория права: В 2 т. М.: Юридическая литература, 1981, 1982.
4. Керимов Д.А. Философские проблемы права. М.: Мысль, 1972.
5. Явич Л.С. Сущность права. Л., 1985.
6. Нерсесянц В.С. Философия права. М.: Норма-Инфра-М, 1997.
7. Лившиц Р.З. Теория права. М., 1994.
8. Иоффе О.С., Шаргородский М.Д. Вопросы теории права. М., 1961.
9. Тихомиров Ю.А. Юридическая коллизия. М.: Манускрипт, 1994.
10. Тихомиров Ю.А. Юридическая коллизия, власть и правопорядок // Государство и право. 1994. № 1. С. 3-15.
11. Коллизийное право. Учебное и научно-практическое пособие. М.: Юриформцентр, 2000.
12. Незнамова З.А. Коллизии в уголовном праве. Екатеринбург: Изд-во «Griket», 1994.
13. Козаченко И.Я., Николаева З.А. Коллизии уголовного права и процесса // Государство и право, 1993. № 2.
14. Ершов В.В. Коллизии трудовых норм // Советская юстиция. 1993. №19.
15. Алейкина И.В. Коллизии в трудовом праве: Дис. ... канд. юрид. наук / Омск. гос. ун-г. Омск, 2000.
16. Курбатов А.Я. Разрешение коллизий в праве // Арбитражная практика. 2002. №11.
17. Стародубцева И.А. Коллизии конституционного законодательства на уровне субъектов Российской Федерации: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Саратов. гос. акад. права. Саратов, 2003.
18. Байтин М.И. Сущность права // Теория государства и права. М.: Юрист, 2001. С. 137.
19. Советское государство и право. 1979. № 7. С. 56-74; № 8. С. 48-67.
- Ю.Вышинский А.Я. Вопросы теории государства и права. М., 1938.
21. Голунский С.А., Строгович М.С. Теория государства и права. М., 1940.
22. Александров Н.Г. Сущность права (К вопросу о сущности исторических типов права). М., 1950.
23. Алексеев С.С. Общая теория права: В 2 т. М.: Юридическая литература, 1981, 1982.
24. Паишуканис Е.Б. Избранные произведения по общей теории права и государства. М., 1980.
25. Кечекьян С.Ф. Нормы права и правоотношения // Советское государство и право. 1955. № 2.
26. Пионтковский А.А. Некоторые вопросы общей теории права и государства // Советское государство и право, 1956. № 1.
27. Керимов Д.А. Философские основания политико-правовых исследований. М., 1986.
28. Нерсесянц В.С. Право и закон. М., 1983.
29. Петрова Л.В. О естественном и позитивном праве // Государство и право. 1995. № 2.
30. Халфина Р.О. Что есть право: понятие и определение // Советское государство и право. 1984. № 11.
1. Халфина Р.О. Право как средство социального управления. М.: Наука, 1988. С. 9-28.
32. Байтин М.И., Бабаев В.К. Нормы советского права: Проблемы теории. Саратов, 1987. С. 8-55.
33. Тихомиров Ю.А. Коллизийное право. М., 2000.
34. Юридическая конфликтология / Отв. ред. В.Н. Кудрявцев. М., 1995.
35. Касьяков Н.И. Теоретико-множественное определение понятия системы // Системные исследования. Ежегодник. М., 1971. С. 79-92.
36. Виноградов В.А., Гинзбург Е.Л. Система, ее актуализация и описание // Системные исследования. Ежегодник. М., 1971. С. 93-102.
37. Садовский В.М. Основания общей теории систем: Логико-методологический анализ. М., 1974.
38. Урманцев Ю.И. Общая теория систем: состояние, приложение и перспективы развития // Система. Симметрия. Гармония. М., 1988. С. 38-124.
39. Перегудов Ф.И., Тарасенко Ф.П. Основы системного анализа. Томск, 2001.
40. Агашев Д.В. Коллизии в праве социального обеспечения России: Дис. ... канд. юрид. наук / Том. гос. ун-г. Томск, 2003. С. 7-47.
41. Агашев Д.В. Коллизии в праве социального обеспечения России: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Том. гос. ун-г. Томск, 2003. С. 5, 7-10.
42. Власенко Н.А. Логико-структурные дефекты системы советского права // Изв. вузов: Правоведение. 1991. №3. С. 22.
43. Алексеев С.С. Социальная ценность права в советском обществе. М., 1971. С. 62.
44. Керимов Д.А. Проблема целостности в праве // Советское государство и право. 1971. № 7. С. 14-21.
45. Керимов Д.А. Послесловие к книге Нашиц А. «Правотворчество: теория и законодательная техника». М.: Прогресс, 1974. С. 237.
46. Власенко Н.А. Коллизийные нормы в советском праве. Иркутск, 1984. С. 23-26.
47. Тиме А.А. Время, пространство, закон. М., 1965. С. 31 и далее.
48. Баймаханов М.Т. Противоречия в правовой надстройке при социализме. Алма-Ата, 1972. С. 47-51, 192-198.
49. Матузов Н.И. Юридические коллизии и способы их разрешения // Теория государства и права. М., 2001. С. 468-469.
50. Тихомиров Ю.А. Юридическая коллизия, власть и правопорядок // Государство и право. 1994. № 1. С. 4.
51. Власенко Н.А. Коллизийные нормы в советском праве. Иркутск, 1984. С. 24-25.
52. СЗ РФ. 2001. № 52 (Часть I). Ст. 4920. Далее по тексту - Закон о трудовых пенсиях.
53. СЗ РФ. 2001. № 51. Ст. 4831. Далее по тексту - Закон об обязательном пенсионном страховании.
54. Захаров М.Л., Савостьянова В.Б., Тучкова Э.Г. Комментарий к новому пенсионному законодательству. М.: Проспект, 2003. С. 10 и далее.
55. СЗ РФ. 1996. № 14. Ст. 1401.
56. Ведомости СНД и ВС РФ. 1992. № 32. Далее по тексту - Закон от 18 июня 1992 года.
57. Постановление КС РФ от 29 января 2004 года № 2-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений статьи 30 Федерального закона «О трудовых пенсиях в Российской Федерации» в связи с запросом групп депутатов Государственной думы, а также Государственного собрания (Ил Тумэн) Республики Саха (Якутия), Думы Чукотского автономного округа и жалобами ряда граждан».

Статья представлена кафедрой трудового права и права социального обеспечения Юридического института Томского государственного университета, поступила в научную редакцию «Юридические науки» 25 марта 2004 г.